

ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАК КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ

© 2009 г. А. Л. Журавлёв*, Т. П. Емельянова**

*Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, директор Института психологии РАН, Москва

**Доктор психологических наук, Институт психологии РАН, Москва

Анализируются современные психологические исследования больших социальных групп, обосновывается актуальность и новизна их изучения как коллективных субъектов. Основной акцент делается на возможности исследования больших социальных групп с теоретических позиций субъектного подхода, предложенного С.Л. Рубинштейном. Рассматривается система факторов, обуславливающих изменение в уровне субъектности больших групп, а также закономерности формирования их субъектных качеств, среди которых выделены: социальная инициативность и ответственность, высокая степень самоорганизации и самоуправления, навыки и опыт совершения согласованных групповых действий и др. Показаны возможности эмпирических исследований при изучении функционирования коллективной исторической памяти, коллективного символического копинга, развития гражданского сознания и самосознания.

Ключевые слова: большая социальная группа, коллективный субъект, факторы субъектности, субъектные качества, коллективная память, коллективный копинг, гражданское сознание.

Исследование больших социальных групп как коллективных субъектов, их возможностей и особенностей представляет большой интерес по целому ряду причин. Во-первых, для современной социальной психологии данное направление исследований является принципиально новым, так как психология таких групп с позиций субъектного подхода ранее глубоко не анализировалась и профессионально не осмысливалась. Возможно, выделение субъектных характеристик (свойств, качеств) больших социальных групп существенно дополнит понимание их психологии, которое, по-прежнему, остается явно не достаточным.

Во-вторых, психологическое исследование таких групп именно как субъектов, несомненно, будет способствовать пониманию более глубинных изменений, происходящих в современном российском обществе. Подобные надежды связаны, с одной стороны, с необходимостью тщательного анализа изменений в психологии ранее известных социальных групп: процессов осознания ими нового места, новых функций и ролей в современном обществе, роста в целом их социальной активности, новых явлений в межгрупповых отношениях, в частности, согласования действий с другими социальными группами и т.д. С другой стороны, существует потребность в изучении психологии новых социальных групп, интенсивно возникавших в российском обществе в 90-е гг. XX в. и продолжающих активно формироваться в начале нового века. Имеются в виду не только относительно изученные за последние 15 лет социаль-

ные группы предпринимателей, безработных или деловых женщин, но и совсем не изученные или недостаточно понятные “новые русские”, средний класс, “новые беспризорные”, обманутые вкладчики (инвесторы), “зеленые”, дворянское собрание, кадеты, правозащитники, новые профессиональные группы и др. Актуальной *проблемой* является исследование таких изменений в психологии всех названных групп, которые превращают их в субъектов, способных реально влиять на российское общество и тем самым развивать его.

В-третьих, исследование психологии больших социальных групп с позиций субъектного подхода является вполне релевантным, позволяет расширить научное поле его применения и раскрыть реальные теоретические возможности на новом конкретном объекте социально-психологического анализа – все это фактически может привести к развитию самого субъектного подхода в психологической науке.

В-четвертых, возрастающий интерес к возможностям субъектного подхода в изучении психологии больших социальных групп неизбежно усилит интеграционные междисциплинарные процессы социальной психологии, с одной стороны, и социологии, экономической и исторической наук, политологии и науки управления и т.д. – с другой, так как каждая из них имеет свой актуальный интерес к большим социальным группам, в том числе, к их психологии. В этом взаимодействии социальная психология не просто сохраня-

ет свое полноправное и полноценное участие, но и является вполне востребованной со своим специфическим предметом исследования и результатами, существенно дополняющими научные представления о больших социальных группах.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Как уже отмечалось, психология больших социальных групп как субъектов до сих пор не стала предметом систематического изучения в социальной психологии, в отличие от малых групп. Исключение составляют большие *организованные* группы, как их частный случай, исследование которых породило организационную психологию с ее понятийным аппаратом, концепциями, традициями эмпирических и практических работ. Другим примером уже сложившейся системы научных представлений о закономерностях функционирования больших групп особого рода может служить психология *стихийных* групп. Психология же больших, устойчивых в общественной системе социальных групп (профессиональных, поколенческих, социально-статусных, имущественных, региональных, конфессиональных, общественных движений и др.) пока не располагает ни одним из атрибутов устоявшейся теории.

Однако, в отечественной социальной психологии советского периода существовал ряд работ, посвященных проблематике больших социальных групп. Активизация исследовательского внимания к ним во многом была связана, по словам Г.М. Андреевой, “с формулированием предмета социальной психологии, явившимся следствием дискуссии 60-х годов, где, как известно, прозвучала мысль о необходимости своеобразного сочетания в этой дисциплине психологического и социологического подходов” [3, с. 151]. В этих работах было заложено представление о том, что в структуре психологии больших социальных групп существуют психический склад и эмоциональная сфера. Именно структура явилась впоследствии основой разных концепций в исследовании этого типа групп. Их развивали Г.М. Андреева, А.И. Горячева, Б.Д. Парыгин, Е.В. Шорохова выделила в качестве элементов общественной психологии сферы психического в больших группах: когнитивную, потребностно-мотивационную, аффективную и регулятивно-волевую [30, с. 258]. Отечественными авторами также поднималась проблема развития больших социальных групп. Так, Г.Г. Дилигенский определял три *уровня развитости* групп в контексте исторического развития общества: типологический, уровень идентификации и уровень солидарности [6].

Нужно заметить, что в отечественной социальной психологии обращение к теории и методо-

логии исследования больших социальных групп в 1960–70-х гг. было значительно более активным, чем в западной. Изучение общественных настроений, психологии классов, массового политического сознания не только имело свою “нишу” в системе социально-психологического знания, но и задавало методологические ориентиры для изучения личности, общения и малой группы, правда, исключительно с позиций единой марксистско-ленинской методологии. По ее версии, макросоциальные процессы преимущественно и практически односторонне детерминируют личностные и микросоциальные процессы, что, конечно, ограничивает теоретический анализ, хотя при этом сохраняет возможность проведения исследований. Можно говорить о том, что отечественной социальной психологии изначально было свойственно учитывать в исследованиях социальный контекст и закономерности общественной психологии. Методология социальной психологии, открытая макросоциальному анализу (с некоторыми оговорками идеологического характера), несомненно, была и остается выигрышной особенностью отечественной социально-психологической традиции.

Однако можно видеть, что, в сравнении с объемом эмпирических исследований в других отраслях социальной психологии, конкретных исследований больших групп сравнительно немного. На таком фоне выделяются интересные и крупные исследования, выполненные в последние годы А.П. Назаретяном [14], С.В. Петрушиным [15, 16], Л.Г. Почебут [18], Г.Ю. Черновым [29] и др. Г.М. Андреева подчеркивает, что в моменты социальной нестабильности в обществе интерес к изучению психологии больших групп возрастает. Ситуация в отечественной социальной психологии последних 15–17 лет убедительно подтверждает это наблюдение, причем возрастание интереса касается именно исследования структурных элементов *больших устойчивых социальных групп*. Ведется теоретическая работа по операционализации самого понятия “устойчивая большая группа” в направлении выделения сходных характеристик групп этого типа [4, с. 138–139].

Близкий по направленности *социетальный подход* с большим трудом пробивал себе путь в западной социальной психологии [31]. Достаточно сказать, что обобщающие коллективные монографии, раскрывающие макросоциальные подходы, сформировавшиеся к тому времени в Западной Европе, появились лишь в 1990-х гг. [33, 34]. Их авторы призывали активно пересмотреть магистральную науку, используя, в частности, такие подходы, как анализ социальных институтов, социальных представлений и групповой идентичности [34, с. 29]. Такие понятия, как кросскультурные черты, культурные влияния, особенности социальных групп, социальных ка-

тегорий и т.д., стали все чаще фигурировать в конкретных эмпирических исследованиях западных социальных психологов.

Интерес к большой социальной группе в отечественной науке последних лет заметно возрастает уже на новых методологических позициях, разнообразие которых заставляет задуматься о необходимости теоретической рефлексии. Г.Г. Дилигенский в этой связи убедительно говорил о необходимости интегрировать знания о макросоциальных (социетальных) явлениях в новом междисциплинарном научном направлении – социально-политической психологии: “Необходимость в социально-политической психологии диктуется тем, что социальные психологи в своем большинстве слабо связывают непосредственные отношения между людьми с отношениями, охватывающими все общество; представители других общественных и политических наук, даже понимая важность психологического измерения изучаемых ими процессов, не испытывают призвания к познанию специфических закономерностей и механизмов, действующих в психологическом поле общества” [7, с. 14–15]. По замыслу автора, новое научное направление должно стать зоной пересечения и интеграции знаний и методов общей и социальной психологии (на правах “материнской” дисциплины), социологии, политологии, истории, культурной антропологии и этнологии. В процитированной работе Г.Г. Дилигенского содержится пример такого синтеза.

Зона действия теоретического положения Г.Г. Дилигенского о необходимости *интеграции* знаний о макро- и микросоциальных явлениях, конечно, не ограничивается социально-политической психологией, а имеет самое непосредственное отношение, как минимум, ко всем отраслям социально-психологического знания, особенно к развитию экономической, организационной, исторической, юридической психологии и др. Фактически же, по нашему мнению, это положение в полной мере относится ко всем отраслям психологической науки в целом, в частности, соответствуя своим содержанием современному пониманию психосоциального подхода.

Исследования больших групп, несмотря на свою актуальность и востребованность, сталкиваются с проблемами, которые сопровождают интенсивное развитие любой научной отрасли: спецификация предмета, разработка понятийного аппарата и методических средств и др. Нельзя не согласиться с А.И. Донцовым в том, что при оперировании основным понятием – “группа” – возникает специфические трудности, среди которых он называет следующие: теоретическая девальвация понятия “группа”, диверсификация понятия “группа”, его распространение на новые предметные области, прагматизация анализа

группы, забвение общих проблем в угоду актуальным запросам [8, с. 24]. Эти трудности настолько актуальны, что вынуждают вообще отказываться от единого определения понятия “группа” [3, с. 148]. Именно поэтому большая группа выделяется как *особая единица* социально-психологического анализа, прежде всего, на основе жизнедеятельности реальных социальных групп.

В этой связи уместно отметить оригинальное направление исследований Э.В. Сайко, изучающей в качестве субъекта большую территориальную социальную группу – город [23]. Особенность ее исследований состоит в интеграции, как минимум, исторического, социального и психологического смыслов города. В работе акцент делается на анализе города как субъекта исторического процесса, тем не менее, полученные результаты имеют самое непосредственное отношение к социально-психологической характеристике современного города как группового субъекта. В целом, очевидно, что исследования многообразных больших территориальных групп как субъектов относятся к категории актуальных и перспективных направлений, имеющих огромный научный потенциал в разработке психологических проблем группового субъекта.

Необходимо подчеркнуть важность еще одного современного научного направления, разрабатываемого в Казанском госуниверситете С.В. Петрушиным, – изучения так называемых *больших контактных групп* [15]. Уникальность объекта его исследований состоит в том, что такие группы проявляют психологические особенности как большой (в связи с численностью их членов), так и малой (поскольку в них сохраняется непосредственное взаимодействие их членов) групп. Они являются не случайным скоплением людей, как в стихийных группах, а собраны для реализации определенных задач, достижения конкретных целей, связанных с обменом информацией, обучением, саморазвитием, проведением досуга, развлечениями и т.д. К ним могут относиться группы участников конференций, фестивалей самодеятельной песни, массовых ролевых игр, молодежного лагеря, различные обучающие, тренинговые, психотерапевтические и другие группы. В этом случае наиболее актуальные задачи исследования – это выделение специфических психологических характеристик и поиск социально-психологических механизмов развития подобных групп, в частности, формирования их субъектных качеств. Результаты исследования могут иметь практическое значение в педагогической и политической психологии, психологии труда и управления, т.е. в тех отраслях психологии, которые изучают многообразные процессы воздействия (обучения и воспитания, агитации и пропаганды,

стимулирования и управления и т.д.) на большие группы людей [16].

Эмпирические исследования, выполненные в Институте психологии РАН (ИП РАН) М.И. Воловиковой, Т.П. Емельяновой, Н.А. Журавлевой, А.Б. Купрейченко, В.П. Позняковым, В.А. Хашенко и др. с помощью качественных методов фокус-групп, анализа отдельных случаев, ассоциаций, глубинного интервью, беседы, контент-анализа и т.п., свидетельствуют о том, что большинство изучавшихся социальных групп российского общества, выделенных по признакам пола и возраста, характера занятости и семейного положения, отношений собственности и имущественного статуса и т.д., реально находятся на уровне *предсубъектности*, не соответствуя основным признакам коллективного субъекта [9, 12, 13, 17, 24–28].

Современная жизнь, новые экономико-политические условия порождают в нашем обществе социальные группы, которые в короткий срок формируются и становятся реальными групповыми субъектами, активно вступая во взаимодействие с властью и другими группами. Этот процесс группообразования, энергичной динамики и внутреннего изменения общественной структуры потребовал осмысления и специального исследования. В отечественной социальной психологии в последние два десятилетия наметился заметный подъем интереса к изучению общественной психологии больших групп, который привел к оформлению таких отраслевых дисциплин, как психология предпринимателей, психология безработных, гендерная психология, психология социальных слоев и маргинальных групп, психология города и др. В этих исследованиях сделано многое для понимания социально-психологических особенностей “новых” и “прежних” больших групп: типичных аттитюдов их членов, системы отношений в них и с другими группами, характерных черт эмоциональной жизни групп, конструируемых ими социальных представлений и др. Между тем, недостаточно разработанным остается вопрос о становлении, функционировании и развитии этих групп в обществе. Изучение больших социальных групп как субъектов призвано хотя бы частично обеспечить продвижение в этом направлении.

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАК СУБЪЕКТОВ

Если признать, что большие социальные группы являются коллективными субъектами, то к ним может быть применена теоретическая схема анализа субъекта. Аналогия между индивидуальным и групповым субъектами в психологическом исследовании, естественно, имеет ряд ограничений, связанных с их природой, но в целом, на наш

взгляд, допустима. В частности, это соответствует хорошо известному *принципу изоморфизма*, который имеет в отечественной социальной психологии примеры продуктивного использования. Так, говоря о функционировании психики в искусственно созданной и в естественной социальной ситуации, Г.Г. Дилигенский обращается к принципу изоморфизма микро- и макроуровней психического, который “позволяет в самых простых, легко регистрируемых фактах найти ключ к пониманию гораздо более сложных явлений” [7, с. 15]. В случае приложения свойств индивидуального субъекта к субъекту групповому принцип изоморфизма может использоваться, прежде всего, при *осмыслении структурных особенностей субъекта*. Так, принцип изоморфизма фактически применялся в социальной психологии Е.В. Шороховой для анализа уже упоминавшихся элементов общественной психологии по аналогии со сферами психического, изученными в общей психологии [30, с. 2]. Подчеркивая некоторую ограниченность и условность использования принципа изоморфизма в анализе соотношения индивидуального и группового субъекта, однако, нельзя не признать его полезность, особенно в теоретическом анализе изучаемых (по сути – междисциплинарных) явлений. Этот принцип успешно применяется в таких естественных науках, как биология, физиология и др.

Трактовка большой социальной группы как субъекта является относительно самостоятельной научной проблемой и требует специальной теоретической проработки. Рассматривая большую социальную группу как одну из возможных *форм* коллективного (группового) субъекта, мы будем опираться на идею о том, что существуют различные проявления (состояния) *субъектности* группы. Главные из них – это потенциальная субъектность, субъектность как совместная активность (или реальная субъектность) и субъектность как групповая саморефлексивность [11, с. 65–66]. Названные основные состояния субъектности группы концептуально соответствуют выделенным признакам коллективного субъекта. В связи с анализом больших социальных групп как субъектов, возникает целый ряд сложных теоретических вопросов. Первоначальный из них следующий: все ли известные на сегодняшний день признаки коллективного субъекта имеют обязательное отношение к большим социальным группам как субъектам или какие-то из них могут быть неприемлемыми; и наоборот, какие признаки должны быть дополнены специально для описания больших групп как субъектов? Например, явно дискуссионным является такой признак или показатель коллективного субъекта, как *способность группы к саморазвитию*. По нашему мнению, можно быть уверенным в том, что такая способность характерна для личности (или инди-

видуального субъекта), группы-диады и традиционной малой группы (или группового субъекта). Но это уже не является очевидным признаком (или показателем) большой социальной группы, по крайней мере, неконтактной. Данный вопрос целесообразно рассматривать в качестве специальной задачи для дальнейшего научного исследования.

В условиях социально-экономической и политической трансформации российского общества происходят социальные и социально-психологические изменения, в том числе в *уровне субъектности* больших социальных групп. В постперестроечной России можно наблюдать процессы активного становления и развития новых социальных групп, например, предпринимателей, которые проходят определенные стадии субъектности: от разрозненных конгломератов до активных общественных объединений, способных к коллективным действиям.

В этой связи правомерно поставить вопрос о *факторах*, обуславливающих изменения в уровне субъектности больших групп. Опираясь на разработанные [11, с. 60–64] признаки коллективного субъекта, можно выделить несколько факторов, определяющих *динамику субъектности* больших социальных групп [9]. *Первый* фактор характеризует тот *общественно-политический строй*, в котором существует групповой субъект. Являясь элементом структуры общества, социальная группа испытывает на себе непосредственное воздействие конкретного политического строя, благоприятствующего или тормозящего проявления ее активности. Если зрелая организация жизнедеятельности гражданского общества стимулирует проявление субъектных свойств социальных групп, создает условия и предпосылки для их актуализации, то жестко управляющие политические режимы чаще всего “глушат” такую самоуправляемую активность.

Второй фактор представляет собой *актуальную общественную ситуацию*, которая может характеризоваться как устойчивая (стабильная) или неустойчивая (нестабильная). Ситуация, складывающаяся в период общественных трансформаций, отмечена сдвигами в общественной психологии: изменениями идентичности, ценностных ориентаций, социальных установок, настроений и даже степенью удовлетворения базовых потребностей. Глубокие трансформации в психологии больших групп актуализируют, с одной стороны, потребность в совладании с изменениями и выработке способов понимания происходящего, а с другой – активизируют процессы саморефлексии, самоидентификации и консолидации, формирующие психологическую готовность к совместным действиям. Нужно заметить, что даже в относительно устойчивых,

стабильных обществах какая-либо социальная инновация властей способна вызвать всплеск групповой активности, как, например, студенческие волнения во Франции и т.п.

Третий фактор заключается в наличии *традиции совместных действий и стойкой коллективной памяти о них, опыта совместной активности*, которые определяются историко-культурными особенностями функционирования и развития группы. В свою очередь, такой опыт способствует развитию организованности, интегрированности группового субъекта (скажем, в рамках синдикализма, политических движений и партий), что делает совместную активность более осмысленной и целенаправленной.

Четвертый фактор представляет собой *систему взглядов, идей или целостную концепцию*, которые внедряются в групповое сознание и становятся регуляторами социального поведения. Успешная пропаганда марксистских идей в России начала XX века может служить примером того, как с учетом национального менталитета, идей справедливости и с помощью политической игры на актуальных потребностях большинства членов общества удастся внедрить систему идей, которая становится движущей силой изменения политического строя. Рабочие, солдаты, часть разночинной интеллигенции, несомненно, проявили качества групповых субъектов в революционном движении.

Каждый из названных факторов может по-своему способствовать или препятствовать подъему уровня субъектности большой социальной группы. Общественно-политические преобразования в российском обществе создали предпосылки для формирования гражданского общества, которое предполагает массовое осознание его членами общественных и групповых интересов, их активное отстаивание и, тем самым, рост субъектности. В свою очередь, нестабильность общественной ситуации через изменение социально-психологического состояния групп, их общественной психологии ведет социальные общности к осознанию лишь собственных, внутригрупповых интересов и формированию мотивации соответствующего поведения. Оба эти фактора, действуя совместно, могут приводить общественную психологию в *состояние ментального диссонанса*, который, в отличие от когнитивного диссонанса индивидуального субъекта, заключается в рассогласовании элементов репрезентаций ключевых экономических и политических феноменов. Эмоциональные состояния стресса и фрустрации, переживания общего дискомфорта и депрессии, неудовлетворенности и неуверенности в завтрашнем дне, характерные для значительной части населения, способствовали актуализации процессов ментальной активности, выстраивания

интерпретаций, прогнозов и т.п. Они, в свою очередь, оказываются тесно связанными с интенсификацией процессов социальной категоризации, определения границ и возможностей собственной социальной группы. Результаты обострения процесса социальной категоризации, а также связанного с ним процесса социального сравнения могут быть различны вплоть до выхода из “неперспективной” социальной категории (слой мелких и средних предпринимателей сформировался из работников торговли, инженеров, научных работников и т.п.). В любом случае, ментальный диссонанс порождает *рефлексивные процессы*, направленные на понимание места, роли, социального потенциала и проблем “своей” группы. В групповой психологии все большую роль начинают играть разделяемые ментальные конструкторы, формирующие образ собственной группы как обладающей определенным социальным статусом. Таким образом, ментальный диссонанс активизирует социально-психологические процессы внутреннего объединения, сплочения, развития чувства принадлежности к группе, осознания своих социально-психологических черт как члена этой группы, хотя результатом такого осознания может быть и крайняя форма – выход из группы.

Названные процессы, согласно классификации уровней субъектности [11, с. 65], характеризуют уровень *потенциальной субъектности* или *предсубъектности* группы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в нестабильных условиях социально-экономического реформирования общества на фоне общественно-политических преобразований все большие социальные группы в той или иной степени проявляют качества потенциальной субъектности. Более того, некоторые из них могут переходить на второй уровень – уровень *реальной субъектности*, т.е. проявлять признаки совместной активности. Примерами таких проявлений являются протесты предпринимателей против повышения налогов, акции протеста пенсионеров против социальных реформ (в частности, денежных компенсаций), массовые выступления обманутых вкладчиков, голодовки учителей и медиков, демонстрации и митинги работников высшей школы и научных учреждений с требованиями своевременной выплаты и повышения уровня заработной платы и т.п.

Все перечисленные и многие другие формы массового поведения, порожденные экономическими и политическими трансформациями в российском обществе за последние 20 лет, во-первых, характеризуют конкретные большие социальные группы: традиционные (пенсионеры, учителя, научные работники и т.п.) или новые (предприниматели, инвесторы, безработные и т.д.), объединенные их способностью к совершению совместных действий. Во-вторых, эти формы пока не проанализированы и не систематизи-

рованы социальными психологами не столько по их внешним проявлениям (что вполне может быть сделано социологами, политологами или конфликтологами), сколько по социально-психологическим механизмам их порождения и динамики, проявлению соответствующих социально-психологических процессов, состояний, групповых субъектных свойств и т.п. Такого рода анализ еще предстоит выполнить в будущем, а сейчас его необходимо выдвинуть в качестве специальной научной задачи.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНЫХ КАЧЕСТВ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Одним из перспективных направлений исследований является изучение того, как перечисленные выше и некоторые другие факторы воздействуют на формирование и проявление уже известных социально-психологических феноменов групповой идентичности, социальной категоризации, межгрупповых отношений, самооценки перспектив развития своей группы, возможностей ее влияния на социальное окружение и др., а также как на их основе становятся и развиваются собственно *субъектные качества* больших социальных групп, к которым относятся, например:

- социальная инициативность и активность;
- социальная ответственность;
- высокая степень самоорганизации и самоуправления;
- навыки и опыт совершения согласованных групповых действий;
- развитое гражданское сознание и самосознание;
- относительная автономность, независимость и самодостаточность;
- открытость для внутригруппового или межгруппового взаимодействия и др.

Для дальнейшей разработки идеи субъектности применительно к большим социальным группам уместным представляется приложить основные положения психологической теории субъекта к такой форме группового субъекта, как большая социальная группа. Развивая идеи С.Л. Рубинштейна [21, 22], А.В. Брушлинский указывал на значительную роль внутренних условий в детерминации активности субъекта. Он писал: “Итак, отчетливо выступает активная роль внутренних условий, опосредствующих все внешние воздействия и тем самым определяющих, какие из внешних причин участвуют в едином процессе детерминации жизни субъекта” [5, с. 69–70]. Опираясь на этот теоретический постулат, мы предполагаем, что внешние условия жизнедеятельности группового субъекта (общественная ситуация, радикальные социальные изменения

и др.) – социальной группы – воздействуют на него через комплекс внутренних условий. Однако определенные внутренние условия начинают проявляться только при соответствующих внешних обстоятельствах.

Одним из них является исторический период социальных трансформаций, приводящий в действие механизм изменения психологии больших социальных групп. В условиях резких изменений уклада жизни, социальной депривации, лишения имевшихся благ, изменения общественного статуса группа оказывается в ситуации противоречия между своими ожиданиями и представлениями, с одной стороны, и наличными возможностями продолжения прежнего образа жизни – с другой, что вызывает ментальный диссонанс у ее членов. Говоря о решающей роли противоречий и их разрешения в становлении субъекта, мы опираемся на мысль К.А. Абульхановой, высказанную в связи с обсуждением процесса становления личности как субъекта. Обсуждая противоречия различного рода, в контексте которых существует личность, К.А. Абульханова отмечает: “Личность становится субъектом, лишь решая эти противоречия, и через найденные ею способы решения достигает большего или меньшего, более временного или постоянного соответствия с действительностью, ее условиями и структурами” [1, с. 59]. Уже упоминавшийся принцип изоморфизма позволяет провести аналогию и перенести эту логику рассуждений на развитие группового субъекта. Подобная аналогия представляется допустимой, поскольку носителями коллективной психологии являются личности, составляющие ее, а коллективные психологические феномены – это разделяемые и своего рода типичные для большей части членов группы явления.

Итак, существующие внутренние условия в виде социальных потребностей, установок, идентичностей, внутригруппового самоуважения претерпевают испытания на прочность и адекватность новым социальным условиям. Именно через них внешние условия воспринимаются членами группы как позитивные или негативные, для них и через них происходят трансформации в психологическом статусе группы. Произошедший эмоциональный отклик в форме реакций и состояний, например, в форме фрустрации, агрессии, страха, неудовлетворенности и т.п. порождает *когнитивную активность*, которая может считаться первым шагом к формированию субъектности группы.

Эта когнитивная активность характерна для стадии предусубъектности группы, на которой происходит либо пересмотр членами группы своего коллективного психологического арсенала, его уточнение, корректировка и т.п., либо закрепление, упрочение прежней коллективной психо-

логии. Процесс корректировки элементов групповой психологии может задействовать различные механизмы, начиная с механизмов поддержания позитивного образа группы, вплоть до отрицания социальной значимости собственной группы, изменения идентичности, социальных установок, системы отношений, ценностных ориентаций и социальных представлений, иницирующего членов группы к поиску новой групповой принадлежности. Эти изменения, носящие для группы разрушительный характер, разумеется, не являются субъектообразующими. Примером может служить группа профессиональных партийных функционеров, которые после изменения политического уклада страны в 1991 г. нашли себе “ниши” в бизнесе, промышленности, образовании, государственных органах власти и т.д. Члены этой группы должны были пройти сложный путь психологической перестройки и обретения новых групповых свойств.

Развитие субъектных свойств группы на этапе предусубъектности состоит, прежде всего, в психологических шагах по укреплению позитивного образа группы, осознанию своих потребностей и прав в обществе, в конструировании социальных представлений, стимулирующих формирование установок на социальную активность. Выполненные в ИП РАН исследования психологии большой социальной группы как коллективного субъекта позволили разработать некоторые концептуальные положения, имеющие отношение к социально-психологическим феноменам, механизмам и функциям, которые, как правило, включены в процесс становления группового субъекта [9]. В частности, было обнаружено, что социальные представления в процессе их конструирования социальными группами российского общества выполняют не только познавательные функции или функции ориентации поведения, которые ранее уже были известны в результате исследования более стабильного в социально-экономическом отношении французского общества. Социальные представления у членов фрустрированных групп российского общества (безработных; пенсионеров, особенно неработающих; некоторых групп госбюджетных организаций и т.п.) выполняют также важную *функцию поддержания позитивного эмоционального состояния*. Как показали результаты эмпирических исследований, одним из действенных механизмов реализации выделенной функции социальных представлений является функционирование *коллективной памяти* [10]. Кросскультурные исследования воспоминаний о Второй мировой войне позволили обнаружить в их структуре психологические феномены (мнения, оценки, представления, отношения, установки), которые служат именно для поддержания позитивного эмоционально насыщенного образа собственной группы у ветеранов войны или играют роль объединяющего символа

величия нации, вызывающего чувство гордости за свой народ у молодежи. Это фактически происходило в условиях противоречивого дискурса в российском обществе о минувшей войне, особенно о ее причинах и начальном периоде, а также современных попыток пересмотреть ее исторические итоги.

В периоды радикальных общественных изменений большие социальные группы как субъекты остро испытывают потребность в психологическом подкреплении и подтверждении собственной групповой значимости, удовлетворение которой, во-первых, несколько компенсирует морально-нравственный дискомфорт от переживаемого исторического периода, а во-вторых, служат достаточно эффективным способом реального объединения и сохранения самой социальной группы как субъекта. Справляясь с ментальным диссонансом, группы включают *коллективный символический копинг* (*collective symbolic coping*). Это понятие широко используется в контексте изучения способов преодоления посттравматического стресса через процесс взаимного раскрытия пациентами своих психологических проблем [32]. В исследованиях социально-психологических феноменов (социальных представлений) больших социальных групп данный термин встречается у австрийского социального психолога В. Вагнера, который рассматривал дискурс в сообществе как один из способов коллективного копинга [35].

Конечно, коллективный копинг существует далеко не только в форме дискурса, необходимого для преодоления каких-то групповых проблем. В целом, он выступает важнейшим механизмом стабилизации социального поведения в сложных ситуациях, в экстремальных условиях, при столкновении группы с реальными проблемами и т.п. Выявление стратегий и закономерностей возникновения и протекания коллективного копинга в условиях общественной, региональной или групповой нестабильности может стать перспективным направлением исследований в современной социальной психологии.

Изучение феноменов и коллективной памяти, и коллективного копинга фактически являются новыми областями в отечественной социально-психологической науке, которые целесообразно развивать, в том числе в парадигме коллективного субъекта. Эти феномены, наряду с такими атрибутами больших социальных групп, как социальные и психологические отношения, социальные представления и установки, стереотипы и предрассудки, групповые ценности и ценностные ориентации, социальная категоризация и различные виды идентичности, социальное сравнение и социальные ожидания, нормы и правила, эталоны и идеалы и многие другие, в определенной мере помогут раскрыть и понять социально-психо-

логические закономерности переживания людьми периода сложных трансформаций российского общества. Новые данные о феноменах больших социальных групп как субъектов, в частности, о динамике коллективной памяти и формировании коллективного копинга, будут способствовать, с одной стороны, прогнозированию возможных негативных психологических последствий общественных преобразований, а с другой – поиску путей стимулирования процессов развития гражданской ответственности и социальной активности различных групп российского населения.

Достигнутый уровень предсубъектности может стать плацдармом для дальнейшего развития собственно субъектных свойств группы. На примере ветеранских организаций, а также политических объединений людей старшего возраста хорошо видно, как, вопреки неблагоприятным для них социальным и психологическим условиям в обществе, эти группы занимают активную социальную позицию, заявляют о ней, проводя соответствующие акции и вступая в диалог с властью.

В этой связи особо следует сказать о таком субъектном качестве больших социальных групп, как наличие *развитого гражданского сознания* у их членов. Гражданское сознание предполагает реальное действие взаимных обязательств во взаимоотношениях человека и общества. Рассмотрение личностью своего общества, государства в качестве основного фактора (гаранта) обеспечения социального порядка и личной безопасности должно естественным образом дополняться развитым чувством долга человека-гражданина перед обществом и государством. Гражданское самосознание основано на *гражданской идентичности* человека, в которой фактически фиксируется общность, близость или даже единство социальных интересов индивида, группы и общества.

Можно выдвинуть предположение о некоторых *признаках* развитого гражданского сознания у членов большой социальной группы, среди которых следующие:

- развитая гражданская идентичность;
- переживание социальной потребности в принадлежности к какой-либо гражданской общности;
- чувство социальной защищенности вследствие принадлежности к гражданской общности;
- положительная социальная установка на активную общественную деятельность, свободную от карьерных и меркантильных интересов;
- потребность оказывать влияние на общественные процессы, понимание самой возможности повлиять на них и уверенность в ней.

К сожалению, социально-психологические и в целом социальные исследования гражданского сознания и самосознания не относятся в настоящее время к категории чрезвычайно актуальных, однако, в связи с развитием гражданского общества в России, эта проблематика неизбежно выйдет на передний план, к чему психологи должны быть готовы в профессиональном смысле, поэтому уже сейчас данное направление исследований необходимо оценивать как перспективное.

Среди других активно формирующихся научных направлений важно отметить выделение для специального исследования все новых форм и видов больших социальных групп, которые вполне могут рассматриваться в качестве субъектов, по меньшей мере, групповых субъектов влияния, в том числе, его совсем не стандартных форм. К ним, по нашему мнению, могут относиться следующие:

- предыдущие поколения могут влиять на современные, и в этом смысле поколение может представлять собой групповой субъект;

- в междивизиональном конфликте, изучаемом политологами, целая цивилизация может рассматриваться в качестве коллективного субъекта воздействия, влияния и т.п.;

- в соответствии с юнгианскими представлениями, субъектом воздействия (влияния) может выступать коллективное бессознательное;

- тренинги с большими группами, получившие распространение в самые последние годы, также предполагают работу с группами как субъектами влияния, воздействия, формирования, развития и т.п.

Поиск подобных групповых субъектов среди больших социальных групп и выделение их в качестве объектов специальных психологических исследований может рассматриваться как одна из современных тенденций, которая будет проявляться и далее, скорее всего, с нарастающей активностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различные проявления коллективного субъекта представляют собой психологические феномены разной степени обобщенности–частности. В этой связи наиболее обобщенным проявлением коллективного субъекта может быть социальное поведение, а более широко – социальная активность, интегрирующая частные ее формы, к которым относятся общение, отношение, воздействие, управление и т.п.

Другими обобщенными формами активности коллективного субъекта являются взаимодействие и широко понимаемая совместная жизнедеятельность. Такие, например, шкалы свойств, как “активность–пассивность”, “удовлетворенность–

неудовлетворенность”, “устойчивость–изменчивость” и некоторые другие, имеют отношение к любым проявлениям коллективного субъекта и тем самым могут быть отнесены к группе наиболее *самых* его свойств.

Остается проблемным важный вопрос о специфике субъектных качеств групп разного размера (численности), например, малых и больших социальных, которые, безусловно, имеют как *сходные*, так и *различные* субъектные свойства. Более того, пока еще в достаточно острой форме сохраняется дискуссионность вопроса о возможности рассматривать большие социальные группы как субъектов, однако, по нашему мнению, это имеет лишь временный характер. Такие социальные группы, как разные этносы, некоторые политические партии, российские предприниматели, пенсионеры, разные общественные движения (например, солдатские матери, “зеленые” и др.), в 90-е годы XX в. и начале XXI в., убедительно демонстрируя свою способность к совместным активным действиям, оказывали воздействие на общественные феномены, т.е. проявляли себя в качестве коллективных субъектов в современном российском обществе. В настоящее время задача состоит в том, чтобы на эмпирическом уровне глубоко проанализировать и теоретически осмыслить эти явления именно в субъектной парадигме.

Сохраняются пока и многие методические сложности в изучении разных групп как коллективных субъектов: использование имеющегося инструментария для исследования групповой психологии возможно лишь в ограниченных рамках, а разработка новых методик, приемов, различных стандартизированных техник и т.п. всегда требует большого времени и учета конкретной специфики изучаемых явлений. Применение же качественных методов исследования пока тоже остается проблемным, так как требует соответствующей адаптации к объекту исследования и накопления необходимого опыта в их апробации на таких группах.

Для разрешения отмеченных и других сложностей большое значение имеют теоретические разработки К.А. Абульхановой, выполненные в самые последние годы [2]. *Во-первых*, психологической категории “субъект” ею обоснованно придан научный статус *методологического принципа*, который, как и другие известные принципы в психологии, служит “соотнесению теории, знаний и эмпирического исследования”, является ориентиром “для выбора стратегии всего исследования, проверки и подтверждения гипотез”, содействует “установлению самых различных соотношений предмета и объекта познания”, выполняет “не только науковедческую, но и научно-практическую роль” [2, с. 19]. *Во-вторых*, через

теоретическую трактовку объекта психологического исследования, в качестве которого рассматривается субъект, а само исследование наделяется характером *взаимодействия* исследователя с объектом его познания, К.А. Абульханова соотносит и реально показывает *взаимное дополнение субъектного и психосоциального подходов* в психологии, которые в настоящее время развиваются фактически единым крупным направлением. Это позволяет не только развиваться каждому из данных подходов, но и укреплять методологические основания психологии в целом. *В-третьих*, одной из характерных особенностей современного состояния психологической науки, по мнению К.А. Абульхановой, является *распространение* нового методологического принципа субъекта и даже более того – *новой субъектной парадигмы* [2, с. 19]. Такое распространение имеет непосредственное отношение к изучению рассмотренного здесь феномена коллективного субъекта.

Отмеченные тенденции, безусловно, имеют хорошие перспективы и в исследовании жизнедеятельности самых разных больших социальных групп как субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1997. С. 56–74.
- Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.
- Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Богомоллова Н.Н., Донцов А.И., Фоломеева Т.В. Психология больших социальных групп: новые судьбы, новые подходы // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 132–147.
- Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Изд-во "Институт психологии РАН"; СПб.: Изд-во "Алетейя", 2003.
- Дилигенский Г.Г. Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших групп // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 196–205.
- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996.
- Донцов А.И. О понятии "группа" в социальной психологии // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1997. № 4. С. 17–25.
- Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
- Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой отечественной войне) // Психол. журн. Т. 23. 2002. № 4. С. 56–66.
- Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во "Per Se", 2002. С. 51–81.
- Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
- Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: Тезисы докл. к Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1999.
- Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании: Учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд., перераб. М.: Издат. центр "Академия", 2005.
- Петрушин С.В. Психологический тренинг в многочисленной группе. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004.
- Петрушин С.В. Мастерская психологического консультирования. 2-е изд. СПб.: Речь, 2006.
- Позняков В.П. Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях разных форм собственности // Психол. журн. Т. 21. 2000. № 6. С. 38–50.
- Почебут Л.Г. Социальная психология толпы. СПб.: Речь, 2004.
- Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000.
- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Наука, 1957.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Сайко Э.В. Субъект: созидатель и носитель социального. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО "МОДЭК", 2006.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1997. 142 с.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1998.

28. Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во "Институт психологи РАН", 1999.
29. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: Исследовательские подходы. Изд. 2-е, стереотип. Дубна: Феникс+, 2005.
30. Шорохова Е.В. Теоретические проблемы исследования больших социальных групп // Социальная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕРСЭ, 2002. С. 252–267.
31. Farr R. Waxing and waning of interest in societal psychology: a historical perspective // Societal psychology / Ed. by H. Himmelweit, G. Gaskell. L.: SAGE, 1990. P. 46–65.
32. Pennebaker J.W., Harber K.D. A social stage of collective coping: the Loma Prieta earthquake and the Persian Gulf // Journ. of social issues. 1993. V. 49. № 4. P. 125–145.
33. The psychology of the social / Ed. by U. Flick. Cambridge: CUP, 1998.
34. Societal Psychology / Ed. by H.T. Himmelweit, G. Gaskell. L.: SAGE, 1990.
35. Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. V. 3 (4). P. 297–329.

PSYCHOLOGY OF BIG SOCIAL GROUPS AS COLLECTIVE SUBJECTS

A. L. Zhuravlev*, T. P. Emelyanova**

**Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, director of Psychological Institute of RAS, Moscow*

***Sc.D. (psychology), Psychological Institute of RAS, Moscow.*

Present-day psychological researchers of big social groups are analyzed; actuality and novelty of their study as collective subjects are based. The main emphasis is made on possibility of big social groups' study from theoretical grounds of proposed by S.L. Rubinstein subject approach. The system of factors caused changes in big groups' subjectivity level as well as mechanism of forming of such subject qualities as social initiative and responsibility, high level of self-organization and self-management, skills and experience of coordinated group actions performing are considered. The possibilities of empirical researches while studying the functioning of collective historical memory, collective symbolic coping, development of civil consciousness and self consciousness are shown.

Key words: big social group, collective subject, subjectivity factors, subject qualities, collective memory, collective coping, civil consciousness.